

СИСТЕМА РАССЕЛЕНИЯ ПЛЕМЕН ИМЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОДГОРНОЙ ЧАСТИ САМАРСКОЙ ЛУКИ*

Изучение памятников именьковской культуры ведется уже более полувека. Основные материалы исследований были обобщены П.Н. Старостиным (Старостин, 1967) и Г.И. Матвеевой (Матвеева, 2003).

Территория распространения именьковской культуры, простирающаяся от р. Белой на востоке до р. Суры на западе, от р. Камы на севере и до Самарской Луки на юге, изучена неравномерно. Большинство поселений именьковской культуры известно только по материалам разведок. Большими площадями раскапывались единичные памятники (Степанов, 1967; Калинин, Халиков, 1960; Матвеева, 1993). Значительную часть полученных в результате раскопок материалов сложно использовать в силу фрагментарности и неточности описания. Наиболее полно обследованным и подробно описанным следует признать микрорегион именьковской культуры в подгорной части Самарской Луки.

Изучение именьковских памятников Самарской Луки было начато еще в 1920-е гг. В.В. Гольмстен (Гольмстен, 1925). Частичный осмотр этих памятников предпринимался также в ходе обширных разведочных работ, проводимых в связи с подготовкой к строительству Куйбышевской ГЭС (Збруева, Смирнов, 1947). С конца 1960-х гг. после открытия в Куйбышеве университета и организации Средневолжской археологической экспедиции начались планомерные исследования на памятниках Самарской Луки. Ряд памятников изучали сотрудники областного краеведческого музея (Юнусова, 1976а; Сташенков, 1995). На протяжении 1970-2000-х гг. раскопкам подверглись 7 поселений подгорной части Самарской Луки. В 1993 г. проводились планомерные разведочные работы в ходе инвентаризации памятников, расположенных на территории Национального парка "Самарская Лука" (Скарбовенко, 1993).

Несмотря на солидное количество накопленного материала, анализ системы расселения именьковской культуры в подгорной части Самарской Луки до сих пор не проводился. Между тем, выводы, полученные на основании изучения указанного микрорегиона, с известной долей допущения можно было бы распространить и на другие области проживания именьковского населения.

Система расселения является отражением социальной структуры общества (Афанасьев, 1989; Массон, 1996; Тимощук, 1990; Обломский, 2003). Целью данной статьи является анализ системы расселения обитателей

подгорной части Самарской Луки IV-VII вв. На основании результатов такого исследования можно сделать некоторые предположения относительно социальной структуры именьковского населения.

Основным материалом при изучении системы расселения являются размеры и взаиморасположение поселений, которые отражают виды социальных коллективов, существовавших у именьковского населения, и связи между ними. На основании эмпирического материала можно выделить следующие таксономические категории объектов расселения и соответствующих им социальных институтов:

1. Микрорегион расселения, включающий в себя несколько близко расположенных "гнезд".

2. Группа близкорасположенных селищ, как правило, включающая в себя укрепленный объект - городище, обычно называемая в литературе "гнездом".

3. Селище, включающее в себя определенное количество жилищно-хозяйственных комплексов и общественные сооружения - место обитания коллектива, условно называемого общиной.

4. Жилищно-хозяйственный комплекс, включающий в себя жилую постройку и связанные с ней хозяйственные сооружения, являвшийся местом обитания и хозяйственной деятельности первичного социального института - семьи.

Описание системы расселения в данной работе производится в соответствии с выделенными уровнями.

С географической точки зрения регион подгорной части Самарской Луки является первой надпойменной террасой р. Волга, сформировавшейся в послеледниковое время в результате аллювиальных процессов. С северо-запада она ограничена склонами Жигулевских гор, с юго-востока волжской поймой. Вытянутая с северо-востока на юго-запад терраса имеет около 25 км в длину при наибольшем расширении 7 км. На ее территории были расположены многочисленные старичные озера, в настоящее время заболоченные или обезвоженные. Почвенный покров представлен черноземами долинными, выщелоченными среднемоющими и мощными глинистыми почвами с небольшим содержанием гумуса и мощностью гумусового горизонта до 60 см. Терраса имеет степной ландшафт, понижения и берега старичных водоемов заняты древесной растительностью.

Пойма р. Волги затапливается во время половодья, что обуславливает влаголюбивый

растительный покров, в основном представленный лесолуговой растительностью. Волжской пойме свойственен волнистый характер ландшафта от чередования невысоких грив с сухими руслами и ложбинообразными междугривьями. Почвы поймы имеют аллювиально-луговой характер и слоистую структуру.

Современный климат Самарской Луки можно охарактеризовать как континентальный, отличающийся холодной продолжительной зимой, стремительной весной, жарким с периодическими засухами летом, большими колебаниями температуры и неустойчивостью погоды. В отличие от других регионов Самарской области, Лука является более увлажненной территорией (Тезикова, 1975. С. 16-38).

В период IV-VII вв. климат несколько отличался от современного. На основании палеоклиматических исследований в II-VIII вв. можно выделить следующие этапы изменения климата (Рихтер, 1954; Хотинский, 1977; Демкин и др., 2000):

1. Во II в. н.э. наблюдается повышенное увлажнение лесной зоны Евразии, к которой относится и территория расселения именьковской культуры, и одновременное усыхание степных областей. Такая ситуация продолжается до начала III в. н.э., когда начинается постепенное смещение повышенной увлажненности в степную зону, сопровождающееся, соответственно, засухами в зоне лесной.

2. С конца IV в. н.э. начинается значительное похолодание и увлажнение климата в лесной зоне Евразии, продолжившееся до конца VI столетия.

3. С VII в. н.э. увлажнение сокращается, и климатические условия приближаются к современным.

Сложно однозначно оценить происходившие колебания климата с точки зрения оптимальных условий для расселения носителей именьковской культуры. Вероятнее всего, влияние могло быть как позитивным, так и негативным для различных регионов на обширной территории ее распространения. Так, избыточное увлажнение делало непригодными для скотоводства низкие участки волжской поймы, зато приводило к обводнению старичных озер на первой надпойменной террасе и оврагов, что давало возможность использовать эти земли непосредственно для расселения. На основании этого можно предположить, что памятники, расположенные на краю первой надпойменной террасы, функционировали в более раннее время, чем те, которые расположены у подножья Жигулевских гор. Такая версия не противоречит датировкам, предложенным их исследователями: если Новинковское V и Карлинское I селища датируются Д.А. Сташенковым в рамках V в. н.э., то, по мнению Г.И. Матвеевой, селище Ош-Пандо-

Нерь II содержит материалы VI-VII вв. (Ключникова, Матвеева, 1985. С. 143).

Первичным уровнем расселения любого общества является жилище. Применительно к задачам данной работы, наиболее важной характеристикой жилища является его площадь, позволяющая судить о величине коллектива, обитавшего в нем. Представляется, что в отношении суровых климатических условиях Среднего Поволжья расширение обогреваемой площади неизбежно требовало значительного увеличения трудозатрат и было возможно только в случае увеличения численности обитателей жилища. Раскопанные к настоящему моменту жилища именьковской культуры по размерам можно разделить на три группы: а) постройки до 20 кв. м; б) от 20 до 40 кв. м; в) свыше 40 кв. м (рис.4).

К первым двум группам относятся постройки, которые, вероятнее всего, являлись местом обитания одной малой семьи, средняя численность которой большинством исследователей определяется в 5-8 человек (Акбулатов, 1999. С. 11-13; Третьяков, 1990. С.134-135; Масон, 1996. С. 75; Осьминский, 1971. С. 17-20). Это вполне соответствует представлениям, согласно которым на одного человека в условиях относительно суровых зим средней полосы России должно приходиться не более 4-5 кв. м жилой площади (Афанасьев, 1989. С. 8-9).

Третья группа включает в себя постройки крупных размеров (самая крупная из них была обнаружена на Старомайном городище, ее площадь достигает 100 кв.м). Относительно назначения обширных по площади жилищ в литературе существуют различные мнения: их рассматривают в качестве местообитания большой патриархальной семьи (Матвеева, 1993. С. 182), "малой моногамной" семьи (Лифанов, 1997. С. 110), общественных сооружений (Матвеева, в настоящем сборнике). Можно, однако, предложить и иную интерпретацию.

Выделенные группы неравномерно распространены на поселениях именьковской культуры. Так, на селищах, удаленных от городищ, присутствуют только жилища малых (27%) и средних (73%) размеров. На селищах, расположенных в непосредственной близости от городища, наряду с жилищами средних размеров (38%), появляются также и значительные по площади сооружения (62%). Наконец, на городищах присутствуют все три выделенные группы (9% малых, 36% средних и 55% крупных построек соответственно) (рис.5). С увеличением размеров постройки существенно возрастала и потребность ее обитателей в топливе. Соответственно, крупная постройка свидетельствует о существовании более крупных, чем средняя по размерам "малая семья", коллективов. Эти коллективы нельзя считать про-

дуктом разрастания малой семьи или большой патриархальной семьей, поскольку в этом случае распространение построек на различных видах памятников было бы равномерным. Вряд ли следует видеть в них и обычные "малые многоамные" семьи, поскольку при таком подходе остается совершенно непонятным стремление этих семей увеличить себе как минимум в два раза трудозатраты по строительству и обогреву *больших по площади* домов, в то время как остальные семьи довольствовались меньшими сооружениями.

Следовательно, в данном случае можно предположить, что перед нами иной вид коллектива, включающий в себя не только членов семьи. Скорее всего, крупные жилища именьковских поселений являлись местом обитания патриархальной знати, и в этих жилищах наряду с хозяевами проживали зависимые от них люди.

В интересующем нас микрорегионе известно 10 жилищ, расположенных на четырех поселениях. Размеры двух из них неизвестны, поскольку они вскрыты лишь частично. Остальные восемь распределяются следующим образом: жилище на Карлинском селище, по-видимому, имело площадь менее 20 кв. м (Сташенков, 1994), два жилища на селище Ош-Пандо-Нерь II (Ключникова, Матвеева, 1985. С. 131-155), одно на Новинковском V (Сташенков, 1995) и одно на Выползовском I (Юнусова, 1976б) селищах относятся к средним, наконец, оставшиеся три постройки являются крупными и происходят с селища Ош-Пандо-Нерь II, расположенного у подножия одноименного городища (Ключникова, Матвеева, 1985. С. 131-155; Скарбовенко, 1995).

Таким образом, анализ размеров жилищ показывает наличие у именьковского населения подгорной части Самарской Луки первичного социального института в виде малой семьи размером 5-8 человек. В зависимости от социального положения семьи могли вести хозяйство своими силами или прибегать к помощи зависимых людей. В последнем случае следует, по-видимому, говорить о родоплеменной или патриархальной знати, жившей на городищах или на селищах в непосредственной близости от них.

Следующим уровнем системы расселения является поселение, состоящее из определенного количества жилищно-хозяйственных комплексов.

На рассматриваемой территории известно 24 селища именьковской культуры различной площади (рис.1). Среди них можно выделить крупные, площадью более 7 га (Подгорское, Выползовское I, Торновское I, Ош-Пандо-Нерь I и Новинковское II), средние, площадью от 2,5 до 7 га (Ош-Пандо-Нерь III, Шелехметь II-IV,

Новинки I, Новинки IIIa, Новинки X, Рождественно III, Торновое II) и малые, площадью до 2,5 га (Новинки VIII, Шелехметь VI, Шелехметь VII, Новинки IX, Новинки V, Карлинское I, Усинское I, Усинское III, Выползово II) (рис.3; табл.1).

Указанные селища вытянуты вдоль края надпойменной террасы или старичных озер. Характер их застройки установить сложно, поскольку значительная площадь вскрыта только на селище Ош-Пандо-Нерь II, но и там исследование велось несколькими отдельными раскопами.

Вытянутая форма поселений позволяет предположить соответствующий характер застройки. Известно, что планировка поселения может быть радиальной, кучевой, уличной или приуроченной к особенностям ландшафта. Первые два варианта маловероятны, поскольку в этом случае селища должны были бы иметь округлую или приближенную к квадрату форму, что в реальности не наблюдается. Выбрать из двух оставшихся не позволяет степень исследованности памятников. Следует отметить, что на раскопанном большой площадью Старомайновском городище наблюдается рядовая, а не радиальная или бессистемная планировка (Матвеева, 1993).

Плотность жилой застройки на поселениях именьковской культуры можно определить лишь очень приблизительно. Расчет процентного отношения суммарной площади жилых сооружений к общей вскрытой на памятнике площади показывает, что под жилые постройки могло быть занято до трети общей площади памятника (табл. 3). На селищах подгорной части Самарской Луки жилые постройки в среднем занимают 10% раскопанной площади. Однако эта цифра не позволяет рассчитать численность жилищ на памятнике, поскольку далеко не все они являются одновременными. Так, на селище Ош-Пандо-Нерь II зафиксировано три строительных горизонта (Офман и др., 1996. С. 181). Кроме того, следует учесть, что раскопкам подвергнуты наиболее насыщенные материалом участки поселений. Между тем, исследование 3704 кв. м Подгорского селища не выявило ни одной жилой постройки. Поскольку раскопанный участок Подгорского селища интерпретируется исследователями (Матвеева Г.И., Мышкин В.Н.) как культовое место и могильник, следует предполагать наличие незастроенных частей и на остальных поселениях, во всяком случае крупных. Наряду с культовой, сакральной зоной на поселении должно было существовать пространство для содержания скота, поскольку соответствующих сооружений в непосредственной близости от жилищ не было найдено, а бесстойловое зимнее содержание на Самарской Луке вряд ли возможно в силу значительного снегового покрова (Иванова, 1990. С. 13).

Характер расположения хозяйственных сооружений на Карлинском I селище позволяет предположить наличие на поселении отдельных жилищно-хозяйственных комплексов, возможно, усадебного типа. Общая площадь пространства, занимаемого одним таким комплексом, составляла, судя по раскопанной части, 250-300 кв. м. Вокруг жилища там обнаружено 27 ям, а общая численность их была, вероятно, значительно больше, однако в настоящее время они разрушены обрывом. Только 2-3 из них можно интерпретировать как зернохранилища объемом около 1,5 куб. м каждое, остальные служили различным бытовым нуждам.

Значительные размеры селищ объясняются не столько многочисленностью одновременных жилищно-хозяйственных комплексов, сколько продолжительностью существования поселения в целом. Действительно, вряд ли яма-зернохранилище могла функционировать более 3-5 лет. Учитывая, что объем зерна, достаточного для пропитания одной семьи в течение года (подробнее см. ниже) составлял не менее 1,5-2 куб.м, одновременно должно было существовать не менее двух зернохранилищ. Соответственно, если обнаруженные ямы составляли половину от существовавших в древности (остальные разрушены обрывом), то срок существования всего жилищно-хозяйственного комплекса можно определить в 10-15 лет (Сташенков, 1993, 1996, 1999).

На основании вышесказанного можно охарактеризовать социальные коллективы, местом обитания которых являлись селища. Во-первых, существенные различия в размерах поселений говорят о значительной вариабельности численности таких коллективов. Кроме того, на основании концентрации хозяйственных ям вокруг жилищ можно предполагать раздельное ведение хозяйства семьями, что, впрочем, не исключает существования коллективной собственности на средства производства. Последнее подтверждается отсутствием выраженного имущественного разделения в именьевском обществе: материал, происходящий из жилищ одного поселения, достаточно однотипен. Население каждого селища, безусловно, представляло собой единую общину. О существовании социальных институтов, промежуточных между семьей и поселенческой общиной, подобных выявленным на черняховских III-IV вв. или славянских VI-IX вв. памятниках (Баран, 1997. С.186-183; Сымонович, 1993. С. 131) говорить на настоящий момент вряд ли возможно ввиду отсутствия источников. С одной стороны, на материалах, например, Бахиловского селища можно предположить существование коллективных дворов, объединяющих несколько жилищ (Матвеева, в настоящем сборнике). С другой, рядовая планировка, одинаковая ори-

ентировка жилищ, например, на селище Ош-Пандо-Нерь II, наконец, отсутствие каких-либо признаков коллективных дворов на Старомайском городище могут опровергнуть этот тезис.

Именьковские поселения на всей территории распространения культуры расположены компактными группами, получившими в литературе название "гнезд". Степень взаимодействия между поселенческими общинами можно рассчитать в рамках т.н. гравитационной модели. Согласно ей, интенсивность контактов между населенными пунктами прямо пропорциональна численности населения и обратно пропорциональна расстоянию между населенными пунктами. Описанная методика получила признание как в зарубежной, так и в отечественной науке (Афанасьев, 1989). На основании подсчетов была построена матрица (табл. 2), а для наглядности построен граф связей именьевских поселений (рис. 2). В результате выделено пять групп именьевских памятников.

К первым двум группам можно отнести поселения, расположенные на краю первой надпойменной террасы и не привязанные к городищам. Первую группу составляют памятники в окрестностях с. Новинки. Ко второй группе можно отнести селища, находящиеся на краю террасы протоки Воложки, между современными селами Рождествено и Выползово. Оставшиеся три группы расположены в глубине надпойменной террасы, у подножия Жигулевских гор; в число памятников, относящихся к этим группам, наряду с селищами, входят и 4 городища. Крупнейшей из них является Шелехметская, кроме нее выделяются также Торновская и Подгорская. Существование памятников на краю первой надпойменной террасы в условиях повышения влажности климата маловероятно в связи с предполагаемым затоплением поймы и невозможностью ее использования в хозяйственных целях. Напротив, столь же маловероятно существование памятников в глубине первой надпойменной террасы в климатических условиях, близких по степени увлажненности к современным, в силу заболоченности озер, расположенных в глубине первой надпойменной террасы и вероятного недостатка питьевой воды в них. Кроме того, одновременное существование, например, Новинковской и Шелехметской групп памятников привело бы к тому, что вокруг просто не осталось бы достаточного количества земель для обработки.

Таким образом, каждая из выделенных групп памятников включает в себя одно значительное по площади (более 7 га) селище и несколько меньших по размеру поселений. Это позволяет предположить, что образование новых поселений шло путем выделения новых социальных коллективов из общины "материнского" селища в ходе ее разрастания. Крупнейшее селище

в каждой из групп играло роль центра, его размеры обусловлены как численностью его населения, так и длительностью его существования. Каждое следующее селище должно было образовываться на границе уже находящихся в обработке земель.

Если в предположительно более ранних Новинковской и Рождественской группах общинный центр обходился без укреплений, то в расположенные у подножия гор Шелехметское, Торновское и Подгорское "гнезда" уже включаются городища, созданные еще в эпоху раннего железного века и обновленные в именьковское время. Особенности ландшафта и недостаточность источников воды определили отсутствие в подгорной части Самарской Луки плотно заселенных городищ. Все четыре городища, известные в исследуемом регионе, имеют бедный культурный слой.

Вопрос о назначении городищ у именьковского населения далек от окончательного разрешения. Исходя из топографии укреплений на Самарской Луке, можно высказать следующие соображения.

1. Городища обеспечивали некие потребности социального коллектива, расселявшегося в рамках гнезда поселений.

2. Городища расположены в непосредственной близости от крупнейшего селища "гнезда" и связаны в первую очередь с ним.

3. Скорее всего, они не использовались для защиты населения от ближайших соседей, поскольку с площадки городищ не видны соседние гнезда поселений, да и враги-соседи быстрее могли добраться до селищ, чем население последних - до своего городища.

4. Небольшая площадь и отсутствие воды ставит под сомнение использование городищ в качестве убежищ для окрестного населения, которое могло гораздо эффективнее прятаться в лесу.

5. Предположение об укрывании на городищах имущества также маловероятно: общественные зернохранилища там не обнаружены, быстро загнать скот на территорию городищ практически невозможно в силу крутости склонов, а для сохранения мелких ценных предметов крепости не строят.

Таким образом, наиболее вероятным представляется, что в военном отношении городища служили прежде всего наблюдательными пунктами. На таком городище достаточно постоянного обитания группы из 5-10 мужчин или 1-2 семей для наблюдения за окрестностями. Так, скорее всего, обстояло дело на почти полностью исследованных городищах Ош-Пандо в Мордовии (2479 кв. м вскрытой площади) и Именьковском в Татарстане (1660 кв. м), на каждом из которых открыто всего по два жилища, причем довольно крупных размеров (Ош-

Пандо: 59 и 57 кв. м; Именьковское: 50 и 63 кв.м). Скорее всего, эти постройки связаны с патриархальной знатью именьковского общества.

Наряду с постоянными обитателями на Именьковском и Ош-Пандинском городище периодически присутствовали и жители окрестных селений, что отразилось в наличии многочисленных открытых кострищ. Связывать эти кострища с населением, скрывшимся за укрепления городища во время вражеского набега, не позволяет хотя бы вещевой материал, в частности, многочисленные находки пряслиц (на Именьковском - 194 шт.) (Калинин, Халиков, 1960). Находки на площадках городищ указывают как раз на мирную обстановку, на некое совместное времяпрепровождение жителей окрестных селищ на территории городища. Это характеризует городища как социальные центры. На городищах подгорной части Луки, напротив, население "гнезда", по-видимому, не собиралось, в силу их относительной труднодоступности, о чем может косвенно свидетельствовать их бедный культурный слой.

Подводя итоги, можно сказать, что каждое из "гнезд" именьковских поселений является продуктом разрастания одной "материнской" поселенческой общины, и безусловно, представляет единый социальный коллектив. Его центром являлось городище, функциональное предназначение которого было не только военное, но социально-культурное. Можно предполагать, что в момент освоения именьковским населением территории Среднего Поволжья прямой военной угрозы не было, что обусловило отсутствие укреплений.

Изучение системы расселения невозможно без учета хозяйственных потребностей и ресурсов населения микрорегиона. Принимая в качестве исходной теоретической посылки непосредственную связь пространственного расположения памятников с экономическими, в первую очередь пищевыми, запросами их населения, можно предположить, что поселения расположены в оптимальных для хозяйственных потребностей условиях. Следовательно, понимание логики расположения поселений требует хотя бы приблизительного расчета хозяйственных потребностей их обитателей. Безусловно, что такой расчет будет обладать весьма относительной точностью, ввиду скудности наших знаний о хозяйственной системе именьковской культуры.

Исследования демографических циклов древних аграрных обществ показывают, что рост населения был ограничен максимальной демографической вмещаемостью ландшафта. То есть, количество освоенных земель росло прямо пропорционально населению до своего максимума. Дальнейший рост населения

происходит за счет накопленных обществом запасов и увеличения торгово-ремесленного городского населения, что приводит к "проеданию" запасов, голоду и демографической катастрофе (Коротаев и др., 2005. С. 159-176). Описанная ситуация в условиях отсутствия у "именьковцев" городов, конечно, невозможна. Естественный рост численности именьковского населения по мере достижения максимума хозяйственного освоения земель должен был замедлиться и прекратиться, а отсутствие государства не давало возможности скопиться значительным общественным запасам, которые могли бы поддерживать продолжение демографического роста искусственно. Поэтому нельзя предполагать наличие в V-VII вв. на Самарской Луке аграрной перенаселенности и малоземелья. Наиболее вероятным является колебание максимальной численности населения на уровне максимального хозяйственного освоения, достижимого при оптимальном количестве земли на одно хозяйство.

Подгорная часть Самарской Луки является относительно замкнутым географически регионом, обладающим ограниченной ресурсной базой. Вследствие этого, имея общие представления об организации именьковского хозяйства, можно рассчитать максимально возможную численность населения микрорегиона. Кроме того, зная, что хозяйственному освоению, как правило, подвергается область радиусом 5 км (Тимошук, 1990. С. 136; Афанасьев, 1989. С. 4), прилегающая к памятнику, можно представить и максимальную численность населения того или иного селища или их группы.

Основными отраслями хозяйства именьковского населения являлись земледелие, скотоводство, рыболовство и охота. Земледелие, судя по почвоведческим данным, существовало в форме перелога, с периодическими пере-выпасами на залежных землях (Офман и др., 1996. С. 182, 185). Обработке подвергались земли первой надпойменной террасы, хотя в более позднее время зафиксированы и случаи распашки поймы (Дубман, Смирнов, 1996. С. 294). В VI-VII вв., вероятнее всего, такой возможности не было ввиду влажности климата. Относительно организации скотоводства данные практически отсутствуют, но можно утверждать, что, во-первых, скот не содержался в домах (где для этого не было места), а постоянных специальных сооружений пока не зафиксировано, и, во-вторых, не находился зимой в свободном выгоне на подножном корме (что невозможно ввиду мощности зимнего снегового покрова). Скорее всего, в бесснежное время года домашние животные добывали себе корм сами, а 145, в среднем, дней в году содержались в каких-то легких постройках на основе заготовленного корма. О развитии рыболов-

ства и охоты у именьковского населения можно судить по находкам костей диких животных и рыб среди костных кухонных остатков (Старостин, 1967. С. 26-28).

Выяснение "демографической емкости ландшафта", то есть максимально возможного населения территории при существующей системе хозяйствования, основывается на расчетах норм потребления средневекового населения, применяемых при изучении аграрной истории, и физиологических потребностях человека в различных видах пищи. Так, минимальная потребность взрослого человека в белке, из которых треть должна быть животного происхождения, определяется в пределах от 79,4 до 100 г в день. Эти данные соотносятся с известными по источникам нормам потребления хлеба крестьянами начала XX в. (в среднем - 18 пудов в год, что несколько больше, чем нужно для компенсации необходимости организма в растительном белке (14,1 - 17,2 пуда по разным оценкам), что, однако, является следствием недостаточности пастбищных земель и домашнего скота) (Шапиро, 1971. С.46-53). Если даже в условиях жесточайшего малоземелья в начале XX в. крестьяне 28% белковой пищи получали за счет мяса и рыбы, следует признать такое соотношение вероятным и для более ранних периодов существования комплексного хозяйства в средней полосе. Исходя из расчета необходимого минимального потребления в 26 г животных и 53 г растительных белков, можно анализировать и именьковское хозяйство.

Приблизительное процентное соотношение высевавшихся носителями именьковской культуры зерновых можно представить на основании палеоботанических анализов слоя селища Ош-Пандо-Нерь. Из коллекции (391 экз.) 318 составляло просо (81%), 48 - ячмень (12%) и 10 - пшеница-двузернянка (полба) (3%), еще 3% составляли неопределимые (ячмень-пшеница?) зерна (Лебедева, 1996). Учитывая различия в весе зерен (ячмень и пшеница весят примерно одинаково, зерно проса легче в 5 раз), можно предположить, что урожай, собиравшийся именьковским населением, состоял из проса на 57%, ячменя - 47% и пшеницы-двузернянки 13%. Нормы высева семян и средняя урожайность в Поволжье известны по данным конца XVIII - начала XIX вв. Так, проса высевали около 25 кг на десятину, ячменя и полбы - около 10 пудов (Халиков, 1995. С. 32). Средняя урожайность проса в Симбирской губернии, к которой в то время относился рассматриваемый регион, составляла в конце XVIII в. сам-3,9; ячменя - сам-2,1; полбы - сам-2 (Милов, 2000). Зная, что потребность крестьянина в зерновых в конце XIX в. составляла около 14 пудов хлеба разных сортов в год (Шапиро, 1971. С. 49), несложно рассчитать, что запашка на одного

человека должна была составлять не менее 1,5 га, а на семью из 5-8 человек, соответственно, от 7,5 до 12 га, в среднем - около 10 га. По данным польских исследователей, в частности Г. Ловмянского, пахотным орудием типа рала усилиями одной семьи можно обработать до 11 га площади (Шапино, 1977. С. 13). Таким образом, 10-11 га можно считать нормальным размером запашки на одну семью для населения именьковских памятников Самарской Луки.

Далее, попытаемся вычислить размер пастбищных угодий, необходимый одной стандартной малой семье из 5 человек.

С именьковских поселений подгорной части Луки имеется четыре остеологических коллекции с определенным видовым составом (Петренко, 1998) (табл.4).

Определение возраста забоя животных, к сожалению, не производилось. Однако, привлекая остеологические материалы с других именьковских памятников, где выявлен возраст, можно, учитывая примерную однотипность хозяйственной системы, предположить, что животные были забиты взрослыми, то есть достигшими своего нормального веса (Петренко, 1984. С. 132-133).

Для выяснения реального состава пищевого рациона необходимо применить пересчет имеющихся данных с учетом весового соотношения видов животных. Образцом применения подобной методики служит реконструкция мясного потребления поселений Острой Луки р. Дон, проведенная Е.Е. Антипиной (Антипина, 2004). Вслед за ней принимаем средний вес КРС за 300, лошади - за 300, МРС и свиньи за 50 кг. Необходимо, кроме того, учесть и продукты рыболовства и охоты, без которых именьковское хозяйство немислимо. Для этого примем средний вес крупной рыбы за 20 кг (Старостин, 1967. С. 27). Наконец, количество потребляемого мяса диких животных можно вычислить, исходя из их приблизительного среднего веса (лось - 320 кг, олень - 100 кг, кабан - 160 кг, бобр - 20 кг, медведь - 500 кг; куница, лиса, рысь, волк вряд ли использовались в пищу людьми). Результатом вычислений окажется приблизительный реальный состав рациона обитателей изучаемых поселений в условных пищевых единицах (табл.5).

Исходя из приведенной выше потребности человеческого организма в белках, потребность одной семьи в мясе вычисляется следующим образом: 26 г необходимого животного белка в день $\times$ 365 дней = 9,49 кг на человека в год $\times$ 5-8 человек = 47,450-75,92 кг белков/год $\times$ 20% (процент содержания белков в говядине) = 237,5-379,6 кг мясной пищи на семью (из 5-8 человек) в год. Учитывая, что поедаемая масса составляет около 50% живого веса забитых животных (Гайдученко, Зданович, 2000. С. 45-72), такое количество

мясной пищи можно было получить за счет забоя 2 лошадей или коров, или 10-12 овец или свиней (Краснов, 1971. С. 145-146).

Основу мясного рациона составляли домашние животные. Это, естественно, требовало наличия пастбищ и лугов для заготовки кормов на зиму, площадь которых мы рассчитать не можем, поскольку не знаем количества скота у именьковского населения. Но некоторые предположения можно сделать. Переложная система земледелия предполагает обработку участка в течение нескольких лет, после которых для восстановления плодородия этот участок забрасывается на длительный срок (10-20 лет). Таким образом, минимальным соотношением между находящимися в обработке и заброшенными землями можно принять 1:2. Именно эти, заброшенные, земли и должны были использоваться в качестве пастбищ. Таким образом, средний размер пастбищных угодий можно определить в 20 га на одну семью. Далее, зная среднюю производительность лесостепных пастбищ (10 ц/га) (Амбулатов, 1999. С. 12) и расход кормов на содержание одной лошади в сутки (5 кормовых единиц = 13,5 кг сена) можно рассчитать примерное количество скота, приходившееся на малую семью в именьковском обществе. На содержание одной условной лошади требуется, исходя из приведенных чисел, 2,8 га на летние выгоны и 1,8 га на заготовку кормов на зиму, то есть 4,6 га в год. При минимальных размерах пастбищных угодий на одну малую семью могло приходиться 4-5 голов условных лошадей, что вполне удовлетворяло потребности семьи в мясной пище и обеспечивало воспроизводство стада. Кроме того, такие размеры стада вполне соответствуют этнографическим материалам XIX в. (Краснов, 1971. С. 45).

Полученные данные позволяют оценить минимальный размер сельско-хозяйственных угодий, приходившихся на одну малую семью, в 30 га пригодной земли. Это, в свою очередь, дает возможность перейти к расчету максимальной возможной численности именьковского населения на территории подгорной части Самарской Луки и приблизительному определению численности коллективов, существовавших в именьковском обществе.

Наиболее удобно рассчитать максимально возможную численность населения Шелехметской группы памятников, поскольку прилегающая к ним территория ограничена Жигулевскими горами с одной стороны и Шелехметским озером - с другой. Озеро являлось достаточно труднопреодолимой преградой для населения селищ, поэтому лежащие за ним пойменные земли можно смело исключить из состава распаханых. Ресурсной базой земледельческого поселения является его 5-километровая

округа (Афанасьев, 1989. С.5; Тимошук, 1990. С. 136). Таким образом, на все селища Шелехметской группы приходится не более 1300 га земель, расположенных на территории первой надпойменной террасы и предположительно подвергавшихся обработке. Максимальная численность населения этих памятников, соответственно, составляла не более 43 семей одновременно, или 215-344 человек.

На одном селище, если судить по их площади, проживало от одной до 20 семей. Максимальная численность населения на всей рассматриваемой территории могла составлять около 1300 человек, учитывая, что в конце XIX в., когда была достигнута максимальная распашка всех пригодных к земледелию угодий Рождественской волости, на территории подгорной части Самарской Луки насчитывалось 6,2 тыс. дес. пашни (Дубман, Смирнов, 1996. С. 299). Эти данные сопоставимы также с известной по письменным источникам XVII в. численностью населения сел подгорной части Самарской Луки (Ильинское - 255 чел., Выползово - 195 чел., Подкараульная - 140 чел., Рождествено - 306 человек по материалам переписной книги 1646 г. (Самарское Поволжье..., 2000. С. 86-87); население д. Шелехметской - 24 двора, согласно указной грамоте об осмотре и переписи земель и угодий Савво-Сторожевского монастыря (Самарское Поволжье..., 2000. С. 119).

Изменения в системе расселения происходили как в силу климатических колебаний, так и в результате социально-экономического развития и демографического роста. Они выражались в изменении топографии памятников и увеличении (или сокращении) их количества.

Именьковские поселения в подгорной части Самарской Луки образуют пять скоплений "гнезд", каждое из которых состоит из одного крупного и нескольких значительно меньших по площади селищ. Крупнейшее селище, по видимому, являлось не только местом обитания "материнского" социального коллектива, из которого периодически выделялись новые общины, но и социально-политическим центром "гнезда", где жили представители родовой знати. Значительная разница в площади между таким центром и другими поселениями обусловлена прежде всего значительно большей продолжительностью его существования.

Трехуровневая система расселения (жилище - поселение - "гнездо") является прямым отражением социальной структуры обществ именьковской культуры: малая семья 5-8 человек - община из нескольких семей - род из нескольких общин (от 2 до 8). Выделение социального коллектива, соответствующего уровню микрорегиона в системе расселения, пока невозможно в силу недостаточности данных.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда.

Проект № 06-01-26105 а/В.

Список литературы:

Амбулатов И.М., 1999. Экономика ранних кочевников Южного Урала (VII д.н.э. - IV в.н.э.). Уфа.

Антипина Е.Е., 2004. Реконструкция особенностей мясного потребления и других форм использования животных на поселениях Замятино-5,6,7 в середине I тыс. // Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гунинского времени (Раннеславянский мир. Вып.6). М.

Афанасьев Г.Е., 1989. Археологическая разведка на новостройках и пространственный анализ // Археологические исследования на новостройках. КСИА. Вып. 196. М.

Баран Я.В., 1997. Слов'янська община (за матеріалами поселення Рашиків I) // Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян. Київ - Львів.

Гайдученко Л.Л., Зданович Д.Г., 2000. Расчеты величин биомассы и поедаемой массы тела копытных в археологических исследованиях // Археологический источник и моделирование древних технологий. Челябинск.

Гольмстен В.В., 1925. Керамика древних мест поселений Самарской Луки // Бюллетень ОАИЭЕ. №3. Самара.

Демкин В.А., Сергацков И.В., Демкина Т.С., Алексеев А.О., Песочина Л.С., 2000. Почвенные критерии оценки комфортности среды обитания ранних кочевников степей Волго-Уралья: палеоэкологические кризисы и оптимумы // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции "Проблемы сарматской археологии и истории". Вып. 1. Самара.

Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н., 1996. Селение Новинка на Самарской Луке в XVII - начале XIX вв. // Краеведческие записки. Вып. VIII. Самара.

Збруева А.В., Смирнов А.П., 1947. Археологические исследования на строительстве Куйбышевского гидроузла // ВДИ. №4.

Иванова Т.П., 1990. Климат // Природа Куйбышевской области. Куйбышев.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х., 1960. Именьковское городище // МИА СССР. №80. М.

Ключникова Р.М., Матвеева Г.И., 1985. Селища Ош-Пандо-Нерь // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев.

Кортаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А., 2005. Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны. М.

Краснов Ю.А., 1971. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М.

Лебедева Е.Ю., 1995. Заключение о палеоботаническом исследовании образцов с поселения Ош-Пандо-Нерь // Скарбовенко В.А. Отчет об охранно-спасательных раскопках селища Ош-Пандо-Нерь 2 у села Шелехмети Волжского района Самарской области. Самара.

Лифанов Н.А., 1997. Домостроительство Лесостепного Поволжья второй - третьей четверти I тысячелетия н.э. Дисс. на соиск. уч.ст. к.и.н. Самара.

Массон В.Н., 1996. Исторические реконструкции в археологии. Самара.

Матвеева Г.И., 1993. Жилые и хозяйственные постройки Старо-Майнского городища // Археологические исследования в Поволжье. Самара.

Матвеева Г.И., 2003. Среднее Поволжье в IV-VII вв.: именьковская культура. Самара.

Милов Л.В., 2000. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.

Обломский А.М., 2003. Днепровское лесостепное левобережье в позднеримское и гуннское время (Середина III - первая половина V в. н.э.). М.

Останина Т.И., 2002. Кузубаевское городище. IV - V, VII вв. Ижевск.

Осьминский Г.И., 1971. Двор и семья. "Люди" писцовых книг конца XV - первой половины XVI в. // Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV - начало XVI в. Т.1. Л.

Офман Г.Ю., Пономаренко Е.В., Пономаренко С.В., 1996. Реконструкция истории природопользования на Самарской Луке в эпоху средневековья // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Самара.

Петренко А.Г., 1984. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Придуралья. М.

Петренко А.Г., 1998. К истории хозяйственной деятельности населения Нижнего Прикамья I тыс. н.э. // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии). Самара.

Рихтер В.Г., 1954. Новые данные о древних береговых линиях на дне Каспийского моря // Известия АН СССР. Сер. География. № 5.

Самарское Поволжье с древности до конца XIX в. Сборник документов и материалов. Самара, 2000.

Скарбовенко В.А., 1993. Отчет о разведках в Волжском районе Самарской области в 1993 году. Самара.

Скарбовенко В.А., 1995. Отчет об охранно-спасательных раскопках селища Ош-Пандо-Нерь 2 у села Шелехмети Волжского района Самарской области. Самара.

Старостин П.Н., 1967. Памятники именьковской культуры // Свод археологических источников. Вып. Д1-32. М.

Сташенков Д.А., 1995. Археологические исследования у села Новинки в 1992 г. // Краеведческие записки. Вып. VII. Самара.

Сташенков Д.А., 1994. Отчет о раскопках Новинковского I курганного могильника и Карлинского I селища в Волжском районе Самарской области в 1993 г. Самара.

Сташенков Д.А., 1996. Отчет об охранно-спасательных раскопках Карлинского I селища в Волжском районе Самарской области. Самара.

Сташенков Д.А., 1999. Отчет об охранно-спасательных раскопках Карлинского I селища в Волжском районе Самарской области. Самара.

Степанов П.Д., 1967. Ош-Пандо. Саранск.

Сымонович Э.А., 1993. Черняховская культура. Поселения и жилища // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. - первой половине I тыс. н.э. М.

Тезикова Т.В., 1975. Самарская Лука. Краткая физико-географическая характеристика восточной части // Краеведческие записки. Вып. III. Самарская Лука в древности. Куйбышев.

Тимошук Б.А., 1990. Об исследовании восточнославянских поселений VI-IX вв. // Проблемы изучения древних поселений в археологии (Социологический аспект). М.

Халиков Н.А., 1995. Хозяйство татар Поволжья и Урала. Казань.

Хотинский Н.А., 1977. Голоцен северной Евразии. М.

Шапиро А.Л., 1971. Расчет доходов и потребления крестьянского хозяйства. Метод моделирования // Аграрная история Северо-Запада России вторая половина XV - начало XVI в. Т.1. Л.

Шапиро А.Л., 1977. Проблемы социально-экономической истории Руси XIV-XVI вв. Л.

Юнусова Р.М., 1976а. Исследование памятников эпохи железа на Самарской Луке // Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев.

Юнусова Р.М., 1976б. Работы Куйбышевского областного музея краеведения // Археологические открытия 1975 г. М.

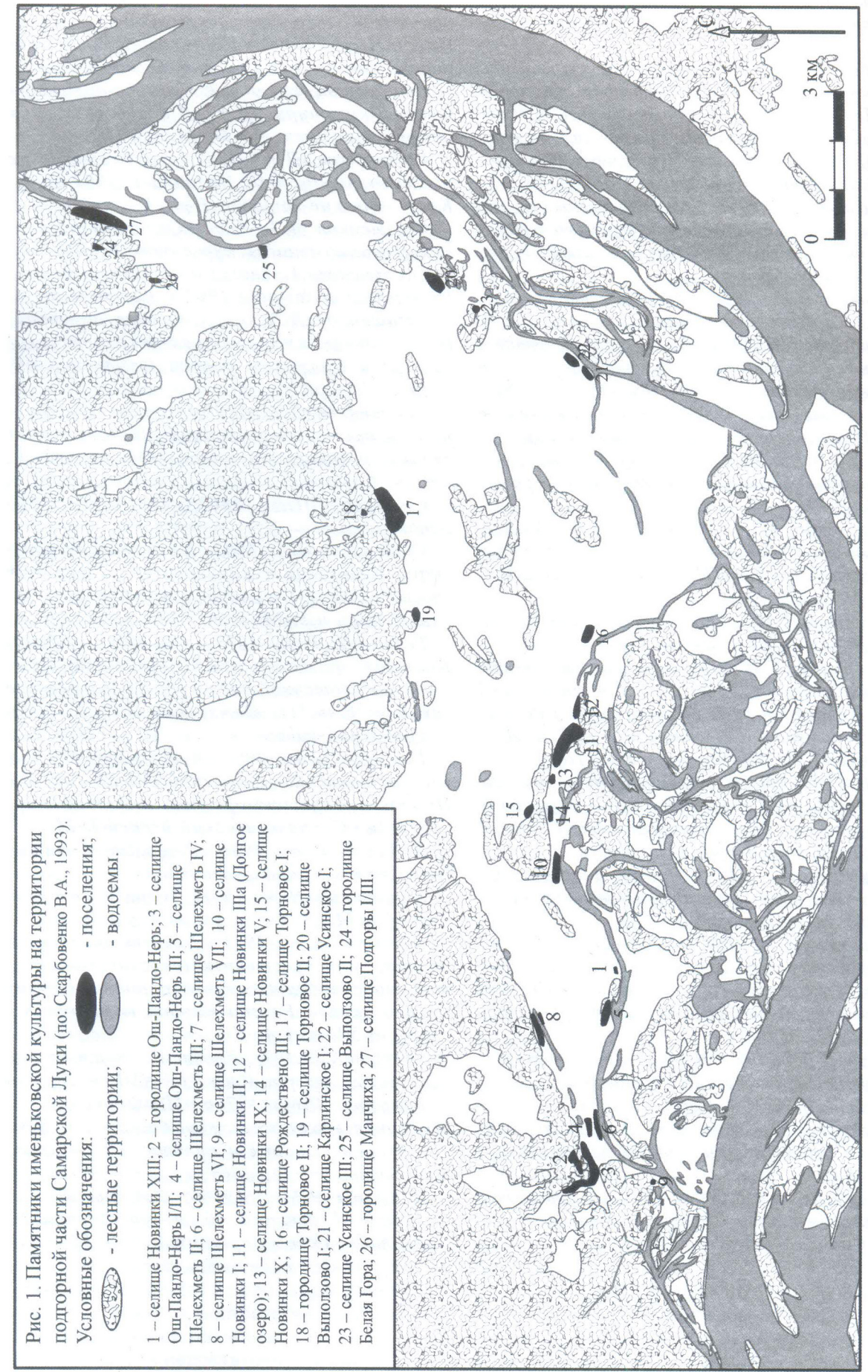

Рис. 1. Памятники именковской культуры на территории подгорной части Самарской Луки (по: Скарбовенко В.А., 1993).

Условные обозначения:

- - лесные территории;
- - поселения;
- - водоемы.

1 – селище Новинки XIII; 2 – городище Ош-Пандо-Нерь; 3 – селище Ош-Пандо-Нерь I/II; 4 – селище Ош-Пандо-Нерь III; 5 – селище Шелехметь II; 6 – селище Шелехметь III; 7 – селище Шелехметь IV; 8 – селище Шелехметь VI; 9 – селище Шелехметь VII; 10 – селище Новинки I; 11 – селище Новинки II; 12 – селище Новинки IIIa (Долгое озеро); 13 – селище Новинки IX; 14 – селище Новинки V; 15 – селище Новинки X; 16 – селище Рождествено III; 17 – селище Торное I; 18 – городище Торное II; 19 – селище Торное II; 20 – селище Выпозово I; 21 – селище Карлинское I; 22 – селище Усинское I; 23 – селище Усинское III; 25 – селище Выпозово II; 24 – городище Белая Гора; 26 – городище Манчича; 27 – селище Подгоры I/III.

Рис. 1. Памятники именковской культуры на территории подгорной части Самарской Луки

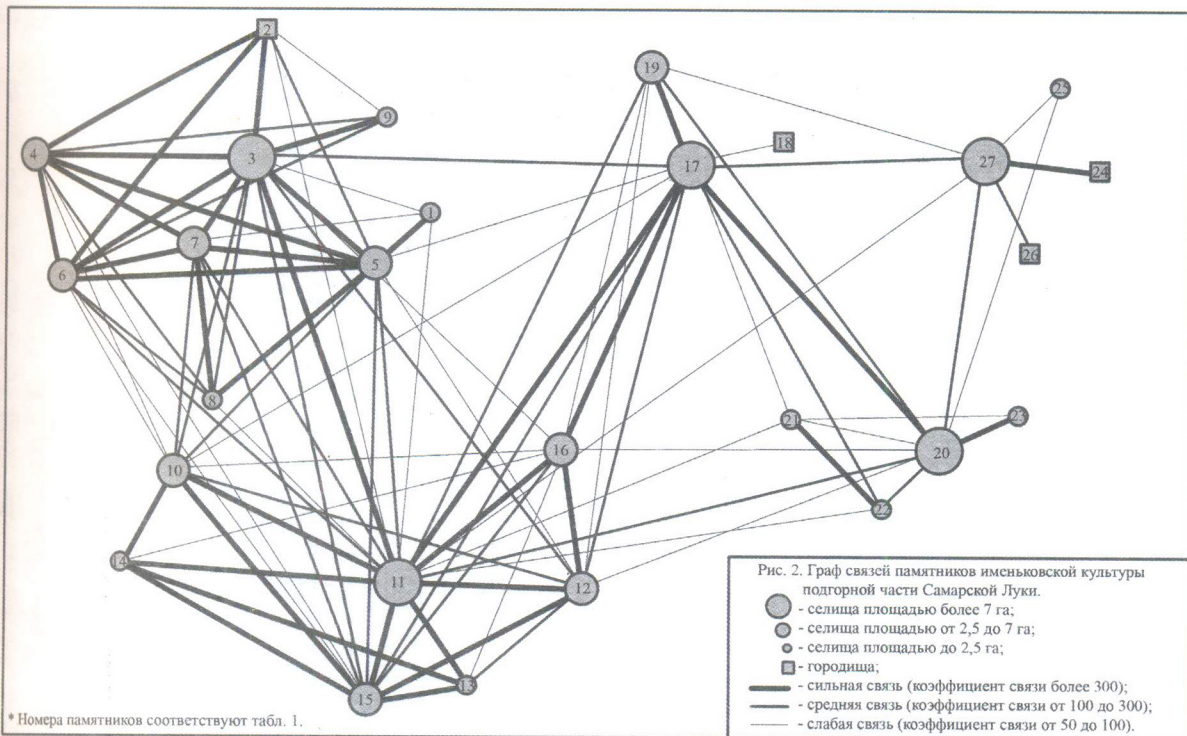

Рис.2. Граф связей памятников именьковской культуры подгорной части Самарской Луки.

Рис. 3. Площади неукрепленных поселений подгорной части Самарской Луки (1 - Новинки XIII; 2 - Шелехметь VII; 3 - Выползово II; 4 - Новинки IX; 5 - Усинское III; 6 - Шелехметь VI; 7 - Карлинское I; 8 - Новинки V; 9 - Усинское I; 10 - Новинки I; 11 - Шелехметь IV; 12 - Торноевое II; 13 - Шелехметь II; 14 - Ош-ПандоНерь III; 15 - Шелехметь III; 16 - Новинки IIIа; 17 - Рождествено III; 18 - Новинки X; 19 - Подгоры; 20 - Выползово I; 21 - Ош-Пандо-Нерь I/II; 22 - Торноевое I; 23 - Новинки II).

Табл. 1. Общая характеристика поселений именованной культуры в подгорной части Самарской Луки. Все размеры указаны в метрах.									
Название памятника	Тип памятника	Высота над водой	Длина	Ширина	Площадь	Мощность слоя	Тип почв на памятнике	Ландшафтная ситуация	
1. Новинки XIII	Селище	9	100	60	6000	100	Гумус	Край надп. террасы	
2. Ош-Пандо-Нерь	Городище	-	500	100	50000	-	-	Жигулевские горы	
3. Ош-Пандо-Нерь I/II	Селище	-	800	180	171000	80	Супесь	Перв. надп. терраса	
4. Ош-Пандо-Нерь III	Селище	-	400	125	50000	33	-	Перв. надп. терраса	
5. Шелехметь II	Селище	-	470	90	42300	50	-	Край террасы	
6. Шелехметь III	Селище	7	600	90	54000	40	-	Перв. надп. терраса	
7. Шелехметь IV	Селище	-	670	50	33500	75	Гумус	Перв. надп. терраса	
8. Шелехметь VI	Селище	4	240	55	13200	50	Супесь	Перв. надп. терраса	
9. Шелехметь VII	Селище	2	100	70	7000	45	Гумус	Край террасы	
10. Новинки I	Селище	8	470	70	32900	50	Супесь	Край террасы	
11. Новинки II	Селище	10	960	210	201600	40	Гумус	Край террасы	
12. Новинки IIIa	Селище	10	450	120	54000	50	Супесь	Край террасы	
13. Новинки IX	Селище	10	170	70	11900	50	Супесь	Край террасы	
14. Новинки V	Селище	7	300	50	15000	45	Супесь	Край террасы	
15. Новинки X	Селище	3	350	180	63000	80	Супесь	Перв. надп. терраса	
16. Рождествено III	Селище	-	280	200	56000	30	Супесь	Край террасы	
17. Торновое I	Селище	2	700	210	147000	55	Суглинок	Перв. надп. терраса	
18. Торновое II	Городище	50	50	55	2750	35	Суглинок	Жигулевские горы	
19. Торновое II	Селище	2	300	120	36000	35	Супесь	Перв. надп. терраса	
20. Выпозово I	Селище	10	450	200	90000	-	-	Край террасы	
21. Карлинское	Селище	8	200	70	14000	80	Супесь	Край террасы	
22. Усинское I	Селище	10	300	70	21000	45	-	Край террасы	
23. Усинское III	Селище	7	125	100	12500	30	-	Край террасы	
24. Белая гора	Городище	130	80	110	8800	15	-	Жигулевские горы	
25. Выпозово II	Селище	10	100	90	9000	40	-	Край террасы	
26. Манчиha	Городище	-	-	-	-	-	-	Жигулевские горы	
27. Подгоры I	Селище	4	900	100	90000	50	Супесь	Перв. надп. терраса	

Табл. 2. Матрица связей именьковских поселений подгорной части Самарской Луки. Коэффициент связи вычислялся по формуле:

$$K = S_i S_j (D_{ij})^{-2}, \text{ где } S_i \text{ и } S_j - \text{площади поселений, а } D_{ij} - \text{расстояние между ними (Афанасьев Г.Е., 1989).}$$

	Новинки XIII	Ош-Ландо-Нерь гор.	Ош-Ландо-Нерь I/II	Ош-Ландо-Нерь III	Шелехметь II	Шелехметь III	Шелехметь IV	Шелехметь V	Шелехметь VI	Шелехметь VII	Шелехметь VIII	Шелехметь IX	Новинки I	Новинки II	Новинки IIIа	Новинки IX	Новинки V	Новинки X	Рождественно III	Торное I	Торное II	Торное II	Торное II	Выползово I	Карлинское	Усинское I	Усинское III	Белая гора	Выползово II	Манчича	Подгоры I	
Новинки XIII	-	11	50	29	313	31	50	24	2	34	52	11	4	7	27	7	8	0	1	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
ОПН гор.	-	20520	2343	141	2531	128	47	82	27	81	19	6	9	37	14	23	0	5	8	1	2	1	0	0	0	0	0	0	0	0	5	
ОПН I/II	-	-	7066	590	6412	526	184	708	133	425	100	30	44	181	76	122	3	29	44	8	12	6	3	3	3	3	3	3	3	3	31	
ОПН III	-	-	-	399	270000	346	114	121	58	165	37	12	18	74	28	42	1	10	14	2	4	2	1	1	1	1	1	1	1	1	10	
Шелехметь II	-	-	-	-	431	722	330	22	144	271	59	20	27	137	39	50	1	11	16	3	5	2	1	1	1	1	1	1	1	1	10	
Шелехметь III	-	-	-	-	-	373	123	147	63	174	40	13	20	80	30	45	1	10	16	3	4	2	1	1	1	1	1	1	1	1	11	
Шелехметь IV	-	-	-	-	-	44220	15	101	194	41	15	25	109	28	40	1	9	12	2	3	1	0	1	0	1	0	1	0	0	8		
Шелехметь V	-	-	-	-	-	-	-	5	48	81	17	6	11	47	11	16	0	3	5	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	3		
Шелехметь VI	-	-	-	-	-	-	-	-	5	16	4	1	1	6	3	4	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	
Шелехметь VII	-	-	-	-	-	-	-	-	-	981	163	120	493	1439	79	75	2	17	20	4	6	3	1	1	1	1	1	1	1	11		
Новинки I	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	30240	2961	1344	4961	2332	851	34	188	192	50	71	31	9	13	10	89	2	2	25	2		
Новинки II	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	285	167	643	1344	262	10	57	57	16	22	9	2	3	2	2	2	2	2	25		
Новинки IIIа	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	364	1171	74	42	1	9	9	2	3	1	0	0	0	0	0	0	0	5		
Новинки IX	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3780	61	45	1	10	10	2	3	1	0	0	0	0	0	0	0	5		
Новинки V	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	244	206	8	47	47	10	15	7	2	3	2	2	2	2	25			
Новинки X	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	372	12	77	82	27	37	14	3	4	3	3	3	30				
Рожд. III	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	83	21168	58	89	139	94	21	39	27	196						
Торное I	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	18	5	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	2			
Торное II	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	134	17	27	20	5	9	7	50							
Торное II	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	97	196	1125	17	66	22	175							
Выползово I	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1837	25	1	2	1	12						
Карлинское	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	59	1	4	2	19						
Усинское I	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	5	2	18						
Усинское III	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	7	41	2200						
Белая гора	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
Выползово II	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Манчича	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Подгоры I	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Табл.2. Матрица связей именьковских поселений подгорной части Самарской Луки.

№	Название памятника	Общая вскрытая площадь	Кол-во жилищ	Вскрытая жилая площадь	Коэффициент плотности застройки
1.	Бабий Бугор селище	243	1	10	0,04
2.	Бахилдовское селище	164	2	20,27	0,12
3.	Выползовское селище	328	1	28	0,09
4.	Именьковское гор.	1660	2	78,5	0,05
5.	Карлинское селище	192	2	20	0,1
6.	Кузубаевское гор.	5011	1	43,56	0,01
7.	Маклашеевское II гор.	776	5	146,86	0,19
8.	Новинковское V сел.	240	1	22,06	0,1
9.	Ош-Пандо городище	2479	2	120,06	0,05
10.	Ош-Пандо-Нерь I/II сел.	1594	6	220,85	0,14
11.	Старомайновское гор.	2056	13	615,43	0,29
12.	Ново-Турбаслинское II сел.	544	5	164,5	0,3
13.	Кушнаренковское сел.	118	2	36,64	0,31

Табл. 3. Данные о плотности жилой застройки именьковских памятников (по: Старостин П.Н., 1967; Лифанов Н.А, 1997; Матвеева Г.И., 2003; Останина Т.И., 2002) Постройки менее 10 кв. м вряд ли могут считаться жилищами хотя бы семьи из 2 человек и в силу этого не учитывались.

Памятник	КРС		МРС		Свинья		Лошадь		Дом. птица		Дикие жив.		Рыба		Всего
	Кол-во	% от всего	Кол-во	% от всего	Кол-во	% от всего	Кол-во	% от всего	Кол-во	% от всего	Кол-во	% от всего	Кол-во	% от всего	
Выползово	54	16,8	72	22,4	37	11,5	112	34,8	-	-	47	14,6	-	-	322
Карлинское	33	14,2	47	20,2	21	9	25	10,7	4	1,7	37	15,9	66	28,3	233
Новинки	21	12,2	19	11,1	24	14,0	31	18,1	3	1,7	12	7	61	35,6	171
Ош-Пандо-Нерь	73	49	11	7,4	7	4,7	48	32,2	-	-	9	4	1	0,7	149

Табл. 4. Остеологический материал с селищ именьковской культуры подгорной части Самарской Луки.

Табл. 5. Состав мясного рациона населения именьковских памятников подгорной части Самарской Луки.

Памятник	КРС		МРС		Свинья		Лошадь		Дом. Птица		Дикие жив.		Рыба		Всего
	Кол-во	% от всего	Кол-во	% от всего	Кол-во	% от всего	Кол-во	% от всего	Кол-во	% от всего	Кол-во	% от всего	Кол-во	% от всего	
Выползово	324	27,9	72	6,2	37	3,2	672	57,8	-	-	57	4,9	-	-	1162
Карлинское	198	37,7	47	8,9	21	4	150	28,5	0,4	-	82,6	15,7	26,4	5	525,4
Новинки	126	30	19	4,5	24	5,7	186	44,4	0,3	-	39,2	9,4	24,4	5,8	418,9
Ош-Пандо-Нерь	438	57,9	11	1,5	7	0,9	288	38,0	-	-	12	1,6	0,4	-	756,4

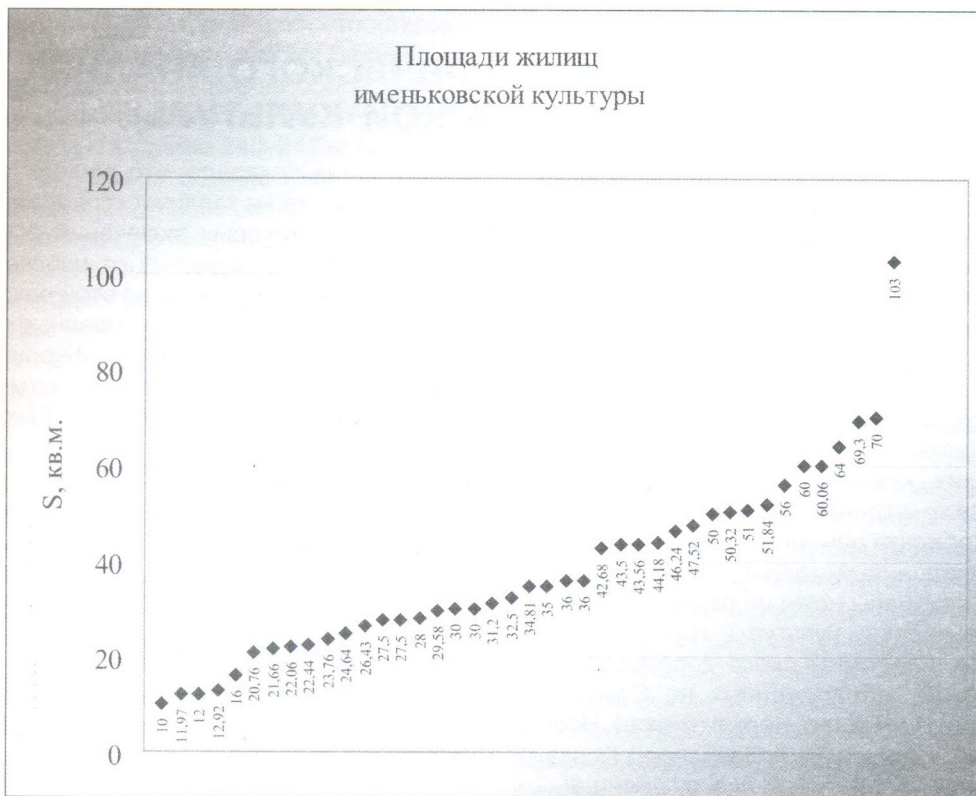

Рис. 4. Площади жилищ именковской культуры (по: Старостин П.Н., 1967; Лифанов Н.А, 1997; Матвеева Г.И., 2003; Останина Т.И., 2002).

Рис. 5. Процентное соотношение жилищ различной площади на селищах (Бабий Бугор, Бахилловское, Выползовское, Карлинское, Новинковское V, Ново-Турбаслинское II, Кушнаренковское), городищах (Имендьяшевское, Именьковское, Кузебаевское, Маклашеевское II, Ош-Пандо, Старомайнское) и селищах, расположенных в непосредственной близости от городищ (Ош-Пандо, Ош-Пандо-Нерь I/II, Рождественское IV) именковской культуры.

